

ФАВОРИТЫ ЛУНЫ

Скоро на экраны выйдет фильм «Фавориты луны», который снял во Франции приглашенный режиссер — Отар Иоселиани. Здесь можно поставить точку, ибо миссия выполнена: хочется привлечь к нему внимание, и оно привлечено, а расшифровывать фильмы Иоселиани — занятие столь же бессмысленное, как бессмысленно расшифровывать образ времени, неумолимого и необратимого, круговращение жизни, образ нерушимости и одновременно разорванности жизненных связей. Как возможно расшифровать печаль? А иронию — как? А видимую бесконфликтность, которая и есть конфликт?

Но боязно, что выйдет на экраны фильм «Фавориты луны», и его пропустят — не поклонники кинематографа Отара Иоселиани, которых (посмотрим правде в глаза) не так уж много, а — кинозрители, вовлеченные в безудержный поток нашей (и импортной) кинопродукции. И это будет потеря. Лучше посмотреть и — застыть в потрясении. Или: посмотреть и — раздраженно передернуть плечами. Или: высокомерно заспорить — грузинский это фильм или французский. Какая разница, если это фильм — Отара Иоселиани. И, в сущности, никакой разницы, с каким знаком — плюс или минус — будет это раздражение, важно, что — будет, ибо фильмы Иоселиани всегда — раздражители, только на разных слоях, на разных уровнях человеческого сознания. Их не выбирают, как духи или вещи — по запаху и размеру. Они — вот уникально счастливая судьба художника! — сами выбирают зону попадания в человеческое устройство. И тут уж — лицемерь вслух или не лицемерь — сам-то точно знаешь, ощущаешь, во всяком случае, куда попало. И, признавшись себе честно, знаешь: промашки нет.

«Апрель», «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль». Теперь еще — «Фавориты луны». Это — игровые, если этот термин вообще применим к фильмам Иоселиани, хотя — объективно — применим, потому что тот поток жизни, который кажется нам внезапно застигнутым кинокамерой, в действительности точно и строго организован художником, иначе просто не вызвать экранное ощущение жизненного потока. А были у Иоселиани еще интересные короткометражные и документальные ленты — «Акварель», «О цветке, который никто не может найти», «Чугун», «Старинная грузинская песня». В Грузии их хорошо знают. Жаль, за ее пределами знают меньше. Остается только утешаться тем, что пройдет время и...

Ведь прошло ровно десять лет с того самого дня, как Андрей Тарковский в интервью нашей газете сказал о том, что на «сегодня» у нас есть два режиссера, которые могут составить честь советскому кинематографу — Отар Иоселиани в Грузии и молодой Алексей Герман в Ленинграде. Почему-то фраза в публикации не вошла, но — резко впечаталась в память. Мы тогда ничего не знали об Алексее Германе и, к счастью, хотя довольно смутно, но представляли себе Иоселиани, который к тому времени снял все свои фильмы за исключением последнего — «Фавориты луны». Но ничего, прошло каких-то десять лет — и нет такого обзора фильмов, где Алексей Герман не был бы означен как знамя и флагман нашего кинематографа. А на экраны уже выходят «Фавориты луны», о которых всего два года назад поведал бесконечно авторитетный для автора этих строк Зиновий Гердт, как о самом большом кинематографическом потрясении последнего времени. Но речь сейчас не об именах и авторитетах, хотя подлинное имя и подлинный авторитет — вещь великая, и не стоит их бояться или стесняться. Речь — о времени, безжалостном в своей правоте, беспощадном в своей правдивости. Мы увидим «Фавориты луны» и еще раз воочию убедимся, что делает оно с человеком и человечеством. Ощутим бесценность слов, которые, растиражированные со временем, потеряли для нас

истинную цену. И — бесценность того, что сотворено некогда вдохновенным трудом, а со временем стало атрибутом аукциона. И — бесценность духа человеческого, воплощенного в искусстве, но урезанного, обкомсанного человеком же — вором или тем, кто сам некогда был художником?

Все на продажу... И какая тонкая ирония, окрашенная глубокой печалью, читается в предпоследнем фильме эпитафии из Шекспира: «Почему нас называют ворами? Мы не воры. Мы рыцари мрака, фавориты Луны».

Тончайшими, невидимыми нитями — сколько из них разорвано, но сколько и уцелело, иначе угас бы род человеческий — связаны мы со своим прошлым. Эти связи глубинны и неуничтожимы, пусть придавлен рукой вора (потомственного уже вора — сына вора и проститутки) окуроч на тарелке из сервиза уникального севрского фарфора. Созданного мастером, проданного с аукциона, частью расколотого, частью разворованного. И неуничтожима духовность человеческая, хоть кромсают безжалостные бритвы «рыцарей мрака» творение духа — полотно художника. Но все же стены в доме рок-певицы, панк-девицы увешаны, по ее собственному определению, «вечным», в которое она, по ее собственным словам, «вкладывает капитал». Все-таки — в вечное, хоть под сенью этого неприкрытого и неприкрашенного «вечного»

надрывает свои ритмы рок-ансамбль с размалеванной солисткой...

Эти связи, что уходят в глубь времен, почти неощутимы. Но зато как очевидны, как наглядны, как осязаемы другие связи — не во времени, но в жизненном пространстве. Повязаны все герои фильма ложью, развратом, преступлением, торговлей тем, что закон допускает, и тем, что недопустимо даже официальным законом. Эта добровольная взаимозависимость стучается настолько, что с течением экранного времени уже трудно уловить и удержать в памяти, кто с кем и чем повязан. И она тоже вырастает до иронично-печального символа: повязанность не есть единение, напротив, это кратчайший путь к человеческой разобщенности. На экране — ни одного человека с именем. Но если безымянные носители духа из нашего прошлого — неоченимое сокровище, оставленное нам в наследство, то безымянные современники — свидетельство банкротства нашей личности...

Несколько семей — и ни одной подлинной, истинной. Все друг другу лгут, изменяют, друг за другом подсматривают, друг друга не уважают, не почитают, но — повязаны. Чем угодно, только не — чувством, не — любовью. И дети — ничего детского. Ведут себя, как взрослые, оценивают взрослых по их же принципу, курят точно, как матери. Женщина на экране постоянно с сигаретой

— образ, вызывающий ощущение диссонанса только вследствие своей навязчивой (умышленно навязчивой) повторяемости. Иначе — не изумил бы, не тронул. Но — курящий ребенок — еще изумляет, еще трогает, еще нарушает наше вполне комфортное восприятие действительности. То немногое, что задерживает на себе наше сетливое внимание. Единственное — среди постоянного и угнетающего подслушивания, подсматривания, среди тотальной и бессмысленной необязательности связей, среди обилия оружия, на котором только и сосредоточено мастерство умельца, среди неестественно толстых пачек денежных купюр. Среди того, на что чувство реагирует уже глухо, а глаз — почти привычно.

Уникальность же кинематографа Иоселиани заключается в том, что режиссер не старается зафиксировать наш взгляд, наше чувство. Камера словно скользит от кадра к кадру, от эпизода к эпизоду, «выпевавая» свою сложнейшую в видимой простоте мелодию. Фиксация приходит к нам исподволь, подосознательно, словно не кто-то подсказал, а мы сами все поняли, сами до всего додумались. Или — не поняли. Не додумались. И это уже наша личная беда — «замысленность» взгляда, притупление слуха, отупление чувства — с которой нам самим и справиться. Или махнуть рукой: не так страшен дефект, живем ведь — и неплохо, не хуже других. А нам с ироничной услужливостью подсовывают с экрана: других ведь нет, все такие. Вот тогда и становится по-настоящему страшно: неужели это мы, люди, современники? Нас обманывают, предают, продают, убивают? Или — мы? И есть ли — они и мы? Может, нет такого деления, а все неделимо — человечество? Кто же тогда ответит и перед кем? Обманчиво идиличны картины из прошлого, страшно настоящее, а будущее, что в нем?

«Первая лента Иоселиани восставала против мнимых ценностей, грозивших заполнить человеческую душу, предостерегала от соблазна мещанского приобретательства, благополучной сытости, убивающей в человеке способность мыслить и чувствовать. Эта мысль пройдет в дальнейшем через все творчество Отара Иоселиани, во многом определяя его критический пафос... Лишенный умиления в своем трезвом размышлении о жизни, Отар Иоселиани постоянно возвращается к мысли о силе на родной, которая терпеливо и настойчиво возводила крепости на вершинах неприступных гор, о самосознании, складывающемся в страшных испытаниях постоянных нашествий и разорений... Ему подвластен любой материал, несущий в себе черты и подорожности времени. Талант Отара Иоселиани — именно в редкостном умении улавливать и конденсировать эти черты, в каком бы жизненном пласте они ни содержались. Вот почему, порожденные традицией и национальной культурой Грузии, произведения эти стали общекультурным явлением».

Пусть простит читатель длинную цитату, приведенную для того, чтобы подчеркнуть: эти строки написаны К. Церетели за несколько лет до того, как во Франции Отар Иоселиани снял свою ленту «Фавориты луны», которая еще раз подтвердила и углубила направление творческих поисков этого удивительного грузинского художника. Остается только пожалеть, что оператором на этой картине был не Абессалом Майсурадзе; снимая фильмы Иоселиани, он мог только мечтать о тех достижениях современной техники, которыми располагал его французский коллега, несколько удививший чрезмерной активностью и «непредвзятостью» к той тончайшей материи, что была в поле зрения его кинокамеры.